

СОЦИАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Н. С. Розов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
nrozov@gmail.com

Возникновение и динамика войн не являются строго регулярными, предсказуемыми явлениями, но не являются и полностью случайными. На основе анализа результатов широкого круга исследований военной истории Г. Кэшман сформулировал несколько эмпирических закономерностей, которые требуют теоретического объяснения и социально-философского осмысления. В статье рассматриваются такие вопросы, как войны между сопредельными соседями и стабильными соперниками, территориальные споры, неравенство сил, роль воинственных держав. Особое теоретическое внимание уделено концепции демократического мира, восходящей к идеям И. Канта. Показано, что нормативные и экономические аргументы слабы, тогда как институциональное объяснение более правдоподобно. Система сдержек и противовесов, понимаемая как высокая степень коллегиальной разделенности власти, является важным фактором, препятствующим развязыванию новых войн.

Ключевые слова: история войн, эмпирические обобщения войн, территориальные споры, демократический мир, коллегиальная разделенность власти, сдержки и противовесы, великие державы.

Г. Кэшман – автор солидного компендиума классических и современных концепций войн, привел несколько эмпирических закономерностей, получивших максимальное согласие ученых. Без обсуждения их спорности (или бесспорности) постараемся объяснить эти тезисы с помощью принципов и закономерностей социальной эволюции и социальной динамики.

Когда происходит межгосударственная война, в нее почти всегда вовлекаются сопредельные соседи. Если соседи не вовлечены, то одна из воюющих сторон, скорее всего, является крупной державой [1, р. 478–479]. Начавшаяся война всегда приводит к мобилизации вооруженных сил участвующих сторон, росту потребностей в оружии и боеприпасов,

последующему росту военного производства и/или притоку оружия, прочих военных ресурсов извне.

С одной стороны, территории сопредельных государств, пока еще мирных, становятся более уязвимыми для обоих воюющих противников (по модели А. Стинчкомба [2]), что мотивирует руководство соседей противостоять наиболее вероятному агрессору, а значит помогать его противнику. Любая помощь, даже поначалу чисто «гуманитарная» имеет тенденцию превращаться в военную вплоть до прямого вовлечения в военные действия, поскольку враждебность со стороны вероятного агрессора закономерно растет при любой помощи его противнику. С другой стороны, любая военная помощь обеим сторонам извне, как правило, должна пересекать территории сопредельных государств или же их приграничные водные пространства. Разрешение на такое пересечение воспринимается всегда с радостью принимающей помощью стороной, но то же пересечение вызывает возмущение и рост враждебности со стороны ее противника по отношению к государствам-посредникам, разрешающим передвижение военных ресурсов. Запрет на прохождение военной помощи через свою территорию приводит к обратным реакциям. Если и есть случаи разрешения со стороны полноценного государства с защищенными границами и собственной военной силой на прохождение военной помощи обеим сторонам большой кровопролитной войны, то они тщательно скрываются. Полный запрет на такое пересечение в отношении обеих сторон может быть эффективным решением, когда государство (типа Швейцарии) долго и успешно утверждает себя как нейтральное, причем обладает значительной военной силой для обороны. Однако таких государств немного.

Так объясняется обычное вовлечение сопредельных государств в межгосударственные войны. Почему же при участии в войне крупной державы невовлеченность сопредельных государств более вероятна? Сомнительно, что инициатором войны с такой державой бывает малое слабое государство, поскольку обычно именно крупная держава начинает войну согласно принципу уверенности в своей легкой победе. Еще более сомнительно, что соседи малого государства, не будучи сами крупными державами, станут его защищать, вовлекаясь в боевые действия с могучей державой — региональным, тем более глобальным гегемоном.

Крупная держава сама является соседом жертвы своего нападения или обеспечивает логистику через нейтральные воды, обладая способностью доставлять военные грузы на дальние расстояния. Иногда крупная держава использует территории союзных, зависимых соседей этой жертвы, которым не обязательно вовлекаться в войну. Яркими примерами являются обе

Иракские войны, которые вели и выиграла США при незначительном участии союзников, которые также не являются соседями Ирака.

Наиболее вероятной причиной войны между сопредельными государствами является спор за территорию, хотя не все территориальные споры приводят к войне (государства воюют и по другим вопросам) [1, p. 479].

Действительно, спорная территория обычно является предметом для широкого спектра забот.

- Территория может быть очевидным для соперников *ценным ресурсом*, таковы земли с плодородными почвами, места рудных и нефтяных месторождений, успешного промышленного производства.

- Территории бывают *стратегически выгодными* для передвижения войск, для обороны или нападения; таковы проливы, проходы в горах, возвышенности, острова на морских путях и т. п.

- Спорная земля может иметь большое *символическое значение* (скопление религиозных святынь, старые столицы, места воинской славы).

Уже неоднократно было отмечено, что обретение новой (или возврат старой) территории, как правило, повышает престиж могущества правителя, элит, режима, религии или идеологии, которые связываются с победой и расширением. Таков почти универсальный культурный архетип со времени вожеств (чифдомов) и ранних государств. Территориальное расширение стало главным легитиматором власти в больших царствах, империях, что видно уже в традиционных титулатурах монархов. От этого стереотипа почти никто не свободен, поскольку все неимперские государства сами были когда-то либо империями, либо частями, колониями империй, либо соседями империй или их колоний. Кроме того, легитиматорская роль территориального расширения соответствует более общим, почти универсальным представлениям об успехе и благе: большой дом, большая семья, большой клан, большой храм, много своей земли. Даже при отсутствии имперских амбиций каждое государство ревностно заботится о сохранении своей территориальной целостности, поскольку риск потери даже не особо значимой в экономическом плане земли является одним из сильнейших вызовов-угроз, а сама потеря вполне закономерно делегитимирует власть и режим.

Большое неравенство в силе между государствами способствует, скорее, миру, чем войне. Поэтому вполне вероятно, что в большинстве межгосударственных войн (хотя и не во всех) участвуют государства, относительно равные по возможностям [1, p. 479].

Этот тезис представляется более спорным, чем предыдущие. Скорее всего, он нуждается в уточнении: затяжные войны действительно происходят

между примерно равными по силе противниками, тогда как при большом неравенстве войны быстро заканчиваются победой сильнейшего. Достаточно указать на вторжение США в Панаму в 1989–1990 гг., на обе Иракские войны, на Российско-Грузинский вооруженный конфликт в августе 2008 г., на недавние войны в Карабахе, в которых победил усилившийся при поддержке Турции Азербайджан.

Дадим объяснение именно затяжным войнам между примерно равными противниками. Захват слабого соседнего государства становится *вызовом-возможностью*, когда такая попытка не грозит слишком большим напряжением для *заботы о собственных могуществе и безопасности*. Такие напряжения ожидаются, когда придется воевать с сильным союзником или даже с коалицией и вероятными становятся жертвы планируемого нападения. В результате, те слабые государства, которые могли быть завоеваны, — уже завоеваны, либо спорные периферийные части слабых государств ранее были завоеваны (по первому принципу геополитической динамики². Если сами слабые государства не поглощены сильными и крупными соседями, значит есть противодействующие факторы, обычно, географические препятствия (горы, водные преграды) и/или защита со стороны сильных союзников. Так, Швейцария защищена горами, с ее буферной ролью были вынуждены согласиться Франция и Австрия. Нидерланды и Бельгия традиционно пользовались поддержкой Великобритании от угроз континентальной агрессии со стороны Испании и Франции.

Когда эти факторы ослабевают, чаще происходит аннексия. Таковы были захваты малых и слабых государств войсками Наполеона и Гитлера. Значительное и долгое сопротивление способен оказывать либо примерно равный противник, либо пользующийся значительной поддержкой союзных держав.

В непропорционально большом проценте войн участвуют постоянные соперники или стратегические конкуренты. Эти государства имеют длительную взаимную историю враждебного взаимодействия, которая, вероятно, включает участие в серийных кризисах и/или милитаризованных спорах друг с другом, и, возможно, даже историю предыдущих войн [1, р. 479].

Очевидное объяснение включает сильные обоюдные установки и возобновляемые чувства враждебности, соответствующие *заботы о защите от угроз* именно со стороны традиционного противника, чувствительность к любым открывающимся *вызовам-возможностям для ослабления* этого

² «Преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии. При примерно равном соотношении прочих факторов, более населенные и более богатые ресурсами государства расширяются военным путем за счет более мелких, менее населенных и бедных ресурсами государств» [3, с. 82].

противника, нанесения ему ущерба. Каждое действие усиливает те же установки враждебности, те же заботы, ту же направленность при создании обеспечивающих структур, а именно военной силы, «заточенной» на будущую войну с традиционным врагом³.

Так образуется спираль эскалации отчуждения и враждебности, которая при достижении критических значений прорывается в войнах [4; 5; 6]. В плане решимости воевать эта мегатенденция может быть обозначена как «Лифт» (контуры положительной обратной связи между трендами усиления и роста). Та же мегатенденция в плане мирного сосуществования, перспектив обменов и сотрудничества должна трактоваться как «Колодец» (контуры положительной обратной связи между трендами ослабления и падения), точнее даже, серия «Колодцев», каждый из которых ведет к обрушению в новую войну.

Известны случаи замирения, даже союзничества прежних военных противников. Самыми известными, пожалуй, являются возникшие после долгой истории конфликтов и войн союзы Англии и Франции в начале XX в.,⁴ Германии и Франции в 1950–60-х гг. Редкость таких случаев говорит о том, что должны появиться достаточно мощные факторы, преодолевающие укоренившиеся установки обоюдной враждебности⁵.

Исторически сложилось так, что крупные, могущественные государства чаще вовлекались в войну, чем небольшие, менее могущественные государства [1, р. 479].

Ричард Лебоу проанализировал 94 крупнейшие войны с 1648 по 2003 г. и выявил, что в 27% случаев войны были начаты восходящими державами (или державами-претендентами — challengers). При этом доминирующие

³ Ср.: «Прошлые победы приводят к росту амбиций, самоуверенности и, в конечном счете, высокомерию. Милитаризм "встраивается" в культуру и институты, в результате чего война воспринимается как нормальное и даже благородное дело, что повышает ее вероятность» [8, р. 52].

⁴ В антироссийском союзе в Крымскую войну в середине XIX в. и при последующем создании Антанты такими факторами стали необходимость совместного противостояния двум опасным империям. Россия, нацеленная на Константинополь и Проливы, ставила под вопрос британское доминирование в Средиземноморье, доступ к Суэцу, где уже вовсю шла работа по проектированию канала — будущего краткого пути к Индии как «жемчужине в короне Британской империи». Позже последовало усиление Германской империи, создание ею океанского флота с претензиями на передел колоний. Также сыграла немалую роль долгая история культурных обменов между лидировавшими долгое время в разных областях Англией и Францией, несмотря на их геополитическое противостояние и частые войны. После Первой мировой войны отношения между бывшими союзниками ухудшились вплоть до враждебности, и только необходимость противостоять агрессивной нацистской Германии вновь их сблизила.

⁵ Послевоенный союз Германии и Франции, который за несколько этапов перерос в Европейский Союз, следует связывать не только с противостоянием подкрепленному Варшавским блоком Советскому Союзу, угрожавшему тогда Западной Европе, но и с мягкой геокультурной, геоэкономической конкуренцией в отношении геополитического лидера и защитника — США. Недаром центром нового нарратива стали «Европа» и «европейство» в противовес не только восточному навесу «не-Европы», но и «Атлантизму».

державы (сильнейшие среди великих держав) начинали войны в 25% случаев, остальные — в 48% [7, р. 112]. Дополнительный анализ мотивов у инициаторов войн показал, что в 58% случаев войны были развязаны из соображений статуса (*standing*), только 18% были связаны с заботой о безопасности (что плохо согласуется с реалистскими теориями), 10% войн были начаты ради мести, 7% — ради «интереса» (экономической выгоды) и 7% — по прочим мотивам [7, р. 114]. Эти результаты позволили Лебоу сформулировать следующий тезис: «Наиболее агрессивные государства — это восходящие державы, стремящиеся к признанию в качестве великих держав, а также доминирующие великие державы, стремящиеся к гегемонии» [7, р. 112].

Крупные государства — великие державы — становились таковыми, как правило, вследствие прошлых успешных войн. Для восходящих держав эти победы — всегда недавние, свежие опыты триумфа. Такое *положительное подкрепление по Скиннеру* закономерно мотивирует начинать новые войны с надеждой на новые успехи.

Доминирующие державы способны господствовать только при мощной военной организации и соответствующими политической системой, бюрократией, ментальностью элиты и масс. Таковы *структуры*, обеспечивающие *геополитические заботы* — интересы поддержания своего статуса, возмездия обидчикам, удержания завоеванных территорий, сохранения союзов, защиты союзников и сателлитов, расширения влияния и т. п. Добавим сюда *институциональные идеологии* по М. Манну [8, р. 63–64] и получим полное объяснение тезисов Кэшмана и Лебоу о главных инициаторах войн и их мотивах.

Небольшие государства с малым могуществом не имеют вызовов-возможностей для расширения. Даже когда такие соблазны появляются, у их правителей и элит нет требуемого комплекта для завоеваний: традиционных забот расширения, увеличения легитимности за счет успешных войн, достаточной военной силы и структур ее обеспечения. Поэтому малые и слабые государства чаще оказываются вовлеченным в войны только в качестве жертв внешней агрессии, либо как вынужденные союзники своих сильнейших покровителей.

Маловероятно, что зрелые демократии когда-либо будут воевать друг с другом; поэтому пары зрелых демократических государств исключаются из числа государств, которые могут быть вовлечены в войну. Из этого логически следует, что практически во всех войнах будут участвовать диады, в которых хотя бы одно государство является недемократическим [1, р. 479].

Фактически здесь сформулирован основной тезис т. н. «теории демократического мира», идеи которой восходят к И. Канту [9]. Эту теорию многократно критиковали на эмпирических основаниях⁶. Наиболее непримиримую критику с теоретической, методологической и исторической аргументацией представили неореалисты и конструктивисты [10]. Не вдаваясь в эти споры, рассмотрим теоретические основания данной позиции.

Довольно слабым аргументом в ее пользу является апелляция к *нормативным принципам*: либеральным и универсалистским ценностям, толерантности, стремлению к миру и добрососедству, которые будто бы характерны для граждан, элит и правителей демократических государств. Как и все остальные люди, жители этих стран подвержены эмоциям гнева, нетерпимости, обиды, жажды справедливого возмездия, нетерпимости и даже ненависти. Возможно, эти чувства и соответствующая агрессивная политика чаще направлены на диктаторов и диктатуры, чем на союзные демократии. Но если эти демократии не являются культурно близкими, давнишними, надежными партнерами и союзниками, скрепленными атмосферой доверия, то никаких гарантий дружелюбия не остается.

Широкое неприятие агрессивных войн с середины XX в., ценности мира и установки на мирное разрешение конфликтов через переговоры действительно являются значимым барьером для поддержки войн гражданами, особенно против государств со сходными порядками. Этот барьер существует и для политиков, в том числе терминальных акторов, способных инициировать войны, поскольку в условиях демократической сменяемости власти избранные политики зависят от избирателей. Однако непреодолимым этот барьер точно не является, особенно когда всерьез задеты достоинство и самолюбие нации, ее жизненно важные интересы. Таким образом, моральные установки имеют значение, но могут перекрываться более сильными символами, особенно связанными с базовыми заботами поддержания престижа и роста благосостояния.

⁶ Обычно приводят примеры из XIX и начала XX вв. В Гражданскую войну Север и Юг США обладали вполне достаточными на то время признаками демократичности, причем с угрозой интервенции со стороны Великобритании, которая тоже считается демократией. Европейские демократии сталкивались в «Борьбе за Африку», в частности, Великобритания и Франция в Фашодском кризисе, хотя войны удалось избежать. В Рурском конфликте 1923 г. Франция и Бельгия оккупировали богатый углем Рурский регион, что вызвало всеобщее возмущение в Веймарской республике. Совершались нападения немцев на оккупантов, те проводили карательные операции, но войны не было. Начиная с середины XX в. военных столкновений между демократиями действительно немного. Обычно называют вторжение Турции на Кипр в 1974 г., войну между Израилем и Ливаном в 1982 г., причем в обоих случаях вряд ли можно говорить о консолидированных демократиях и высоком уровне коллегиальной разделенности власти участвующих в конфликтах государств.

Аргументация, связанная с *экономической взаимозависимостью* развитых и богатых демократий, имеет более структурный и основательный характер. Действительно, долгая активная торговля, взаимные инвестиции, включенность во взаимовыгодное сотрудничество укрепляют доверие между народами, элитами, правителями государств-партнеров. Войны между такими державами рушат сделки, прерывают экономический рост, снижают благосостояние обществ, причем не только представителей бизнеса, но и широких слоев граждан, которые уже в роли избирателей негативно воспринимают такие конфликты. Опять же здесь речь идет о давнишних партнерах и союзниках, как правило, более или менее культурно близких, но такие отношения есть между далеко не всеми демократиями. Материальные, экономические заботы всегда важны, но и они не являются абсолютными барьерами, когда гнев, жажда справедливого возмездия, связанные с защитой святынь, поддержанием идентичности и самоуважения требуют воинственных действий.

Наиболее сильными представляются *институциональные аргументы*. В либеральных демократиях решения и действия правителей ограничены наличием разделения властей, «системой сдержек и противовесов», развитыми институтами гражданского общества. Предполагается, что хотя бы некоторые из этих структурных элементов способны препятствовать развязыванию новой войны, удерживать правителей от таких решений и действий. Что касается *ветвей власти*, то национальные суды обычно не имеют никаких полномочий в сфере внешней политики. Согласие парламентов на инициативные военные действия обычно требуется, что зафиксировано в конституциях. Но всегда ли большинство в парламентах демократических стран будет голосовать против внешних военных операций? Даже если эти операции направлены против другого формально или реально демократического государства?

При широком общественном согласии относительно жесткого ответа на вызов-угрозу, такие действия обычно поддерживаются центральным парламентом, особенно с доминирующей партией, лояльной терминальному актору. Как правило, такой уровень согласия возникает *при вызове-угрозе в отношении забот государственного престижа и/или национальной безопасности*. Так, Израилю в 1974 г. прямо угрожала Организация освобождения Палестины, фактически оккупировавшая юг Ливана. Полная потеря Кипра, который греки-киприоты собирались присоединить к Греции, сильно ударила бы по международному престижу и внутренней легитимности правительства в Турции. Таким образом, в обоих случаях консенсус властных элит,

парламентов Израиля и Турции относительно начала военных действий был достигнут.

Внешние военные операции также совершаются демократиями при необходимости пресечь атаки, резню, бомбежки, геноцид. Можно было бы возразить, что столь возмутительные действия, требующие вмешательства, нигде и никогда не совершаются государствами, где есть конституция, проводятся выборы и сменяется власть. Однако при взгляде на страны Черной Африки, Центральной и Южной Азии, Центральной и Южной Америки этот тезис оказывается, мягко говоря, сомнительным.

Пожалуй, сильнейшим антивоенным фактором в демократиях является пресловутая *система сдержек и противовесов*. Как ни странно, относительно нее нет отдельной развитой теории. В основных отечественных и западных справочниках, в специальной литературе этот концепт сводится к тому же *разделению властей*. Однако к «сдержкам и противовесам» относятся также межпартийная борьба в парламентах, любые порядки принятия решений с правом вето, сложные взаимодействия между центром и регионами, между разными силовыми структурами, между министерствами внутри правительства, между центральными финансовыми ведомствами, между органами территориального и ведомственного управления. Столь значимый элемент и фактор демократии, будучи выраженным привычным словесным штампом «сдержки и противовесы», гораздо яснее эксплицирован в понятии *уровень коллегиальной разделенности власти*, который Р. Коллинз считает главным критерием демократичности политической системы [3, с. 201–206].

Наиболее близка к сущности этого понятия известная метафора, приписываемая Б. Франклину: «Демократия – это договоренность о правилах поведения между хорошо вооруженными джентльменами». Иными словами, каждая сторона (центр силы) обладает такими средствами самозащиты, что ее нельзя уничтожить, подавить, устранить. Поэтому стороны не «стреляют», но мирно договариваются о правилах дальнейших взаимодействий, ограничивая чьи-либо чрезмерные поползновения, препятствуя как узурпации власти, так и опасным авантюрам, прежде всего развязыванию новых войн [11, с. 369–274]. В этом плане «теория демократического мира» получает естественное теоретическое объяснение. Множественность центров силы и политического влияния при высоком уровне коллегиального разделения власти (реальной высокой демократичности) ограничивает интересы правителей и элит, побуждающие их начать войну.

Почему же множественные акторы не склонны принимать решения о начале войны против другого демократического государства? Для такого

решения нужен консенсус большинства акторов, в том числе социальных движений, которые в либеральных демократиях имеют значительное политическое влияние. Судя по результатам недавних исследований с использованием статистического сопоставления разнородных данных⁷, тезис о множественности сдерживающих акторов получает эмпирическое подтверждение. «Для укрепления международной безопасности недостаточно повысить конкурентоспособность избирателей или качество выборов. Такие меры должны также включать укрепление горизонтальных механизмов эффективного сдерживания исполнительной власти, содействие развитию более активного гражданского общества, которое следит за деятельностью лиц, осуществляющих исполнительную власть, и сдерживает ее; целесообразно также сочетание этих двух способов. Если целью является порядок в международной системе, то реформы, расширяющие возможности законодательной и судебной ветвей власти по отношению к исполнительной, не должны игнорироваться наряду с избирательной реформой, а продвижение инициатив организованных и активных граждан в гражданском обществе должно дополнять укрепление оппозиционных политических партий» [12, p. 53].

Политическая культура внутренней политики демократий, основанная на соблюдении общих безличных правил и нетерпимости к нарушителям, следующим образом распространяется на контекст внешнеполитических решений. Если партии вынуждены соблюдать правила внутри страны, значит и государствам следует соблюдать правила на внешней арене. При агрессии, нарушающей такие правила, следует ожидать широкое возмущение и складывание коалиции, направленной на наказание нарушителя и восстановление *status quo*. Поэтому подлинно демократическое государство не пойдет на явную, возмущающую партнеров агрессию, особенно против другой демократии, поскольку утратит авторитет и легитимность. Исключением бывает *гегемон*, подчинивший себе остальных и убежденный в оправданности своих привилегий. *Лидер* же среди демократий, совершающий не признаваемое ими вторжение, тем более воюющий с демократиями, закономерно теряет свое лидерство. Демократическая держава, скорее, войдет в коалицию, восстанавливающую справедливость согласно безличным правилам — нормам международного права. *Настоящий лидер среди*

⁷ В качестве зависимой переменной была взята интенсивность межгосударственных вооруженных конфликтов (“fatal MIDs”—militarized interstate disputes в версии MID v4.1), а независимыми переменными служили численные показатели уровней развития демократии и гражданского общества (Varieties of Democracy — V-Dem data). Использовались доступные данные по 173 странам в период 1900–2010 гг. [12, p. 40–44].

демократий обязан создавать такую коалицию и подчинять свою политику этому праву.

Итак, войны между демократиями действительно менее вероятны, что получило теоретическое объяснение. В очередной раз следует признать глубину и проницательность мысли Канта, который в качестве «первой окончательной статьи договора о вечном мире» формулирует нормативный тезис: «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [9, с. 373]. Кант связывает свободу и политические права граждан в республике с противодействием войнам таким образом: «Если (иначе и не может быть при таком устройстве) для решения вопроса: быть войне или нет? — *требуется согласие граждан* [выделено мной — Н. Р.], то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя — самим сражаться, оплачивать военные расходы из своего кармана, в поте лица восстанавливать все разоренное войной — и в довершение всех бед навлечь на себя еще одну, отравляющую и самый мир, — никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов» [9, с. 377 – 379].

На первый взгляд, речь идет сугубо о «шкурных» интересах — экономических заботах обывателей. Действительно, экономическое обоснование «теории демократического мира», о котором шла речь выше, происходит во многом из этих строк Канта. Однако нужно учесть слова, выделенные мной курсивом в приведенной цитате «*требуется согласие граждан*». Без их согласия войну не начать. Это означает, что *у граждан есть некая часть власти*, причем достаточная, чтобы решение о войне отменить. Такое устройство Кант и называет *республиканским*, когда в другом месте своего трактата определяет республику через разделение исполнительной власти и представительной законодательной власти, противопоставляет республиканизм деспотизму. «*Республиканизм* есть государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной; деспотизм — принцип самовластного исполнения государством законов, которые оно само себе устанавливает, так что публичная воля выступает в качестве частной воли правителя» [9, с. 381].

Следуя «*Политике*» Аристотеля, Кант не жалуется «демократии». Тем более интересно, чем именно прокламируемый им *республиканизм* отличается от негодной «демократии»: Кант понимает последнюю как особый деспотизм — «властвовать хотят все». Таким образом, сущность республики по Канту состоит именно в *разделенности власти* (!) — возможности одного центра силы ограничивать волю другого. Именно так устроены

современные развитые (и неслучайно богатые) либеральные демократии — они имеют мощную «систему сдержек и противовесов», т. е. высокий уровень коллегиальной разделенности власти.

Тезис «демократии не воюют между собой» может быть неверным в качестве позитивистского эмпирического обобщения, но дает воодушевляющую политическую перспективу. Его следует не столько опровергать (в чем с американскими неореалистами сошлись отечественные критики западной демократии), сколько уточнять, возвращая его драгоценное зерно — смелую идею Канта о *должном устройстве миролюбивых государств*. Действительно, весьма затруднительно назвать войны между такими зрелыми демократиями, каждая из которых обладает: а) высоким уровнем коллегиальной разделенности власти, б) соответствующей политической культурой уважения к общим безличным правилам и в) нетерпимостью к их нарушениям как внутри страны, так и на внешней арене.

Большинству войн предшествуют воинственные споры или кризисы с действиями, приводящими к эскалации [враждебности] перед началом войны, что похоже на спираль разрастания конфликта, при том, что длительность этой спирали может значительно варьировать» [1, р. 479]. Если войну определить как особую фазу конфликта, то вся предыстория войны с ростом враждебности, взаимной подозрительности, ультиматумами, провокациями и проч., является вполне естественной частью этого конфликта. Сюда же относится т. н. спиральная динамика возникновения войн. Известны дифференцирующие условия, при которых эскалация враждебности оборачивается вспять и приводит к мирным договоренностям: силовой паритет, неопределенность последствий военных действий, опасность массовых жертв, недавний негативный опыт кровопролитных войн [4; 5; 6]. Предположительно, условия, приводящие спиральную динамику к развязыванию войны включают отсутствие вышеуказанных условий при добавлении какого-либо сочетания факторов, повышающих вероятность войны. Для уточнения этого тезиса требуется специальный сравнительно-исторический анализ широкого круга войн.

Итак, социально-эволюционный и социально-философский подходы обладают значительным концептуальным потенциалом для объяснения обобщений такой сложной сферы, как войны в мировой истории. Эти объяснения не снижают значимости эмпирических исследований, поскольку сами обобщающие тезисы о закономерностях войны и мира требуют проверки и уточнения. При этом, войны прошлого и настоящего с учетом ценностей мира и гуманизма настоятельно требуют общего теоретического и философского осмысления.

Список литературы

1. *Cashman G.* What Causes War? An Introduction to Theories of International Conflict. Rowman & Littlefield, 2014. – 620 p.
2. *Stinchcombe A.* Constructing Social Theories. The University of Chicago Press, 1987. – 303 p.
3. *Коллинз Р.* Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. – 499 с.
4. *Copeland D. C.* The Origins of Major War. Cornell University Press, 2000. – 322 p.
5. *Levy J.S., W. Thompson.* The Arc of War. Chicago: Chicago University Press, 2010. – 281 p.
6. *Orme J. D.* Human Nature and the Causes of War. Springer Nature, 2018. – 301 p.
7. *Lebow R. N.* Why Nations Fight. Cambridge University Press, 2010. – 295 p.
8. *Mann M.* On Wars. Yale University Press, 2023. – 616 p.
9. *Кант И.* К вечному миру / Кант И. Соч. в 4 тт. М.: Ками, 1994. Т. 1. С. 353–477.
10. *Окунева Е.С.* Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму // Сравнительная политика. 2015. № 4(21). С. 6–9.
11. *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.
12. *Hegre H., Bernhard M., Teorell J.* Civil society and the democratic peace // J. of Conflict Resolution. 2020. Vol. 64(1). P. 32–62.

SOCIO-EVOLUTIONARY EXPLANATION OF MILITARY HISTORY EMPIRICAL GENERALIZATIONS

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
8, Nikolayeva St., Novosibirsk, 630090, Russia

The emergence and dynamics of wars are not strictly regular, predictable phenomena, but neither are they completely random. Based on the analysis of the results of a wide range of studies of military history, Greg Cashman has formulated several empirical regularities that require theoretical explanation and socio-philosophical understanding. The article addresses such issues as wars between contiguous neighbors and stable rivals, territorial disputes, inequality of power, and the role of belligerent powers. Special theoretical attention is paid to the concept of democratic peace, which goes back to the ideas of I. Kant. It is shown that normative and economic arguments are weak, while the institutional explanation is more plausible. The system of checks and balances, understood as a high degree of collegial power sharing, is an important factor preventing the outbreak of new wars.

Keywords: history of wars, empirical generalizations of wars, territorial disputes, democratic peace, collegial power sharing, checks and balances, great powers.